

Вероника Черниенко

18+

Возвращение
Морроу

Вероника Черниенко
Возвращение Морроу

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Черниенко В.

Возвращение Морроу / В. Черниенко — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

ISBN 978-5-532-95841-8

1860-е годы, город Свенцяны на востоке Литвы. Жизнь молодой девушки сложна и запутана, её окружают трагедии. Она становится замешанной в убийствах и бежит не только от общества, но и от самой себя, скрываясь под чужими именами. Её душа наполнена страстями, которые подведут её к последней черте.

ISBN 978-5-532-95841-8

© Черниенко В., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	21
Глава 6	27
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Вероника Черниенко

Возвращение Морроу

Глава 1

Молодая зелёная трава мягкая и тонкая, она такая хрупкая, что если наступишь, она примнётся или обломается. Но сколько в ней жизни! Как такая хрупкая зелень может подниматься, после того как её растопчут. Откуда у неё берутся силы, чтобы снова расти? Говорят у растений нет чувств и естественно желаний, слов и эмоций. Нет, я не верю в это! Если нет способа выражения всего этого набора, это ещё не значит, что его вовсе нет! Даже сейчас трава говорит со мной, но не привычным для человека языком, она говорит со мной ощущениями. Тем самым способом, который человек сам в себе ещё не раскрыл. Ощущениями, источник которых остаётся для нас не познанным и не осознанным. Наверняка растения знают, где этот источник, они познали его гораздо раньше нас. Почему я сейчас так близка к траве? Не знаю, возможно, я всегда избегала задумываться над своими ощущениями, но сейчас мне некуда бежать и я трогаю её мягкие влажные стебли своими пальцами. Я лежу на траве и она обнимает меня, я чувствую эти объятия и хочу провалиться в них, чтобы больше ничего не существовало, чтобы всё растворилось в ней, в этой сырой земле покрытой зеленью.

Согласна ли я оставить всё и уйти? Я задаю себе этот вопрос, но инстинкт самосохранения постоянно вырывает у меня давно назревший ответ. Страшно ли мне? Нет, мне пусто. И я продолжаю, как и прежде думать, что там, куда уходят после смерти – пустота. Даже для праведников и грешников пустота, и в ней покой и безмятежность. Что может быть лучше такой пустоты? К чему эти фантазии о потусторонних мирах?

Я вижу всю свою жизнь как сон, сейчас я думаю, что могла бы многое изменить, и что я не была собой настоящей. Как жаль, что так сложилось. Но если бы время отмоталось назад по мановению волшебной палочки, я бы продолжала действовать также. Убийства? Нет, я не убивала их. Я подводила их к черте, а они сами в силу своих личностных качеств принимали свои последние решения. Если бы кто-то из них был по настоящему верующим человеком, в соответствии с тем, как заявлял о себе, то всё было бы по другому. Я уверена, верующий человек, готовый изменить себя и раскаяться, смог бы преодолеть всю мерзость, скопившуюся в нем, и он был бы жив, обязательно жив. У них не было выбора, они уступили преобладающему в них злу. И у меня не было выбора, как только не мешать этому. Теперь всё! Моя история закончена, ну а для вас она только начинается.

Я почти не помню свою мать. Иногда в моей памяти возникает образ смеющейся молодой женщины в белом. Черты её лица смазаны и почти неразличимы, но улыбка откровенная. Пухлые розовые губы, а за ними белые ровные зубки, спадающие на плечи светлые локоны. Она смеётся, склонившись надо мной, и щекочет меня спадающими волосами. Моё единственное воспоминание о ней, которое я храню для преодоления своих тяжёлых дней, а ещё голос певучий, тонкий и эта мелодия. Она постоянно крутится в моей голове...

В нашем большом доме было спокойно и тихо, я была единственным ребёнком в семье, возможно и не последним в будущем, если бы моя мать не умерла так рано. Тогда мне было четыре года, на какое – то время я осталась кинутой на воспитание няне. Думаю, отец долго скорбел, не знаю сколько. Потом снова мы были вместе. Правда, он много времени уделял работе, а выходные посвящал мне. Так минуло три года, затем он встретил её. На то время Леоноре Валешь исполнилось сорок лет, она была полячкой и вдовой воспитывающей двух детей: Джорджа и Мариюну. Джордж был младше своей сестры Марионы на три года, а ей

было двенадцать. Вскоре Леонора Валешь стала Морроу. Леонора была в шикарном воздушном белом платье и её дочь бросала под ноги лепестки роз. Это было красиво, незабываемо и очень больно. Наша теперь большая семья не была дружной, Леонора выражала ко мне симпатию только лишь при отце. Всё, исключительно всё было фальшью, это видела я в свои шесть, но не видел отец в сорок три.

Я всегда искала уединения, с тех пор, как она со своими детьми поселилась в нашем доме.

Я сразу почувствовала в Леоноре жестокость и самолюбование, я совершенно точно знала, что она не любит отца и все эти милые беседы и улыбки просто фальшь. Да, она была искусной лицемеркой, но, к сожалению, мой отец считал, что я просто ревнивая маленькая глупышка, тоскующая по матери. Мои новоиспеченные сестрица и брат были тоже не из приятных личностей. Мариона была порядочно старше меня – на шесть лет, она любила наряды и уже мечтала о балах, представляя себя, видимо очень симпатичной и знатной титулованной особой. Внешность её была далека от идеальной. Её полные покрытые веснушками руки и такие же щёки создавали впечатление отнюдь не особы из знатной семьи, её спасали лишь манеры и наряды.

Джордж несколько отличался, он был старше меня на три года, но всё ещё любил шумные игры и детские игрушки. Он часто одевал и раздевал давно заброшенных кукол своей сестры. Он был очень эмоционален, его поведение часто сменялось агрессивностью, и тогда он лупил меня и пинался. Мне нравились его глаза, такие светлые и чистые, они дарили надежду, что он всё таки не будет похож на своих близких и возможно перерастет из драчуна в нормального парня. Мне не хотелось общаться с ними, я долгое время проводила одна. Когда уезжал отец, моими ближайшими людьми становилась няня и редко навещавший моё семейство доктор. Я доверяла ему, мне всегда нравилась его куцая борода, он казался ещё более карикатурным, если надевал круглые очки. Только он знал точно, почему умерла моя мать. Я каждый раз боялась спросить его об этом, всё откладывая до того момента когда возьму себя в руки. Мне говорили, что её смерти способствовала длительная лихорадка и малокровие, но я с трудом в это верила, так как помнила её очень активной и жизнерадостной, а потом вдруг за пару дней её не стало.

Я чувствовала что вот- вот подведется черта и мою жизнь разделит граница на до, когда у меня ещё была полная семья и после, когда её заменила мишура. Но всё произошло гораздо трагичней, чем я себе представляла.

Утро было ясным и солнечным, замечательное утро. Чашка какао с молоком свежие булочки, завтрак на крытой веранде. Несмотря на начавшийся декабрь, было не холодно. Отец собирался на охоту с парой друзей. Он мечтал встретить того оленя, о котором все так красочно рассказывают, хотя видели этого оленя всего то пару человек, один из которых лесник. У него шикарные ветвистые рога и очень мохнатая белая грудь – говорил отец, иногда мне казалось, что этот олень стал для него навязчивой идеей. Уж если он задавался какой- то целью, она всегда перерастала в нечто большее, наверное, я переняла у него это качество. И так, он начищал своё ружьё накануне, любуясь его отблесками при свете огня в камине, затем с нетерпением ходил по дому в ожидании товарищей, поглядывая в окно. Ему никогда не сиделось дома, а уж если и сиделось, то он посвящал себя без остатка лени, правда, иногда читая. Я любила, когда он дома. В такие дни было тихо и спокойно. Если эта гадюка Леонора пыталась шипеть, то не затягивала покончить с этим в его присутствии.

Удаляющиеся фигуры четверых наездников скрылись за поворотом главной дороги уводящей в сторону леса. Ни единого слова, ни единого предчувствия к тем последующим страшным событиям не было. В то время как его галопом пронесла лошадь спустя пять часов охоты, я мирно наслаждалась послеобеденным сном. В ту минуту, когда резкий удар головой о камень убил его, мне снились морские просторы, высокий маяк на берегу окруженный чайками и летящей морской пеной. В тот момент, когда его сердце остановилось, я ничего не почувствовала.

Только лишь громкие крики мужчин спрыгивающих с лошадей и тащащих к дому что-то крупное, завернутое в темно-зеленую палаточную ткань, вырвали меня из плена иллюзий, в которых я пребывала. Вскоре я погрузилась в новые, более тяжёлые и безрадостные переживания, лишь на короткий миг, открыв настоящую реальность. В ней люди умирали, предавали и жестоко бросали. Так не стало и Генри Морроу. Приехал доктор, он сожалеющее покивал и как-то очень по-доброму сжал руку Леоноры, а затем поцеловал, увидев меня в проеме, она одернула ее, недовольно взглянув на меня. Тогда я многому не придавала значения в силу своего возраста.

Ненавижу ее! Господи, как я ее ненавижу! Никогда не думала, что способна так ненавидеть.

Самое плохое не ненависть, а то, как я воспринимаю это чувство. Оно мне нравится, дает определенный стимул. Что скрывать, я никогда не считала себя бесстрашной. Я боялась хулиганов мальчишек живущих по соседству, папиных лошадей, садовника из-за его покаленного лица и глаза – стыдно признаваться, но боялась. Я и сейчас многого боюсь. Но ненависть во мне, делает меня сильнее, но она неподвластна мне. Она поднимается из таких глубин, которые я никогда не предполагала в себе, она рвётся выплеснуться наружу. Не в крике – крик беспомощен, не в махании кулаками – драка ничего не решает...к тому же я девушка. Моей ненависти нужно большее: уничтожить их всех, стереть Леонору с лица земли, чтобы ничто не напоминало, о ее существовании. Что на счет её детей? Я сомневаюсь на счет Джорджа, думаю, время поможет мне принять решение. Ненависть это черная вода заполняющая пространство, отведенное для любви. Так бывает, если место любви пустеет. Поднимается большая волна, разрушающая и опустошающая, гонимая порывистыми мыслями, как ветром.

Глава 2

Я осознаю прикосновения своих пальцев к книге. Визуально я воспринимаю страницы книги, впитываю глазами белизну её листов, и черноту букв. Я осознаю и контролирую не только отчетливые, движения руки, переворачивающей страницу, но и легчайшие движения глаз и головы.

Фактически, люди редко осознают движения головы и глаз во время чтения. И, если только нет прямых помех, почти совершенно не осознаются другие части тела, непосредственно не участвующие в процессе чтения.

Читая, вы вряд ли полностью осознаете, что попутно происходит с вашим телом: как себя ведут ваши ступни и ноги, что происходит в пояснице, движутся ли плечи, как вы дышите, ровно ли вы сидите. Пока у вас ничего не болит, вы себя почти не ощущаете. Замечаете, разве что, голову, ноги и руки, да и то, вероятно, без внимания к тому, как они действуют. Когда вы читаете книгу, перед вами возникают картины, рожденные её содержанием. Эта картинка может увлечь вас настолько, что вы даже на миг забудете, откуда она появилась, то есть о самой книге и что вы находитесь совсем не в том месте. Иногда я чувствую реальную боль, после того как о ней прочитаю или подумаю. Странно негативное и вредное быстро умеет проявиться, тогда как что-то хорошее слишком медленно, иногда оно происходит в твоей жизни, когда уже совсем не имеет значение и поэтому остается незамеченным, если происходит вообще. Почему как я не стараюсь у меня не получается, почему если мне плохо и больно, это не заканчивается так быстро. Мне многое приходилось выносить, но я слаба, слаба, как и прежде. Просто я не хочу это показывать, не хочу в это больше верить. Я люблю читать, сейчас это моё успокоение. К гостиной примыкала столовая с большой верандой для летних завтраков, и я ускользнула туда. Забравшись на диванчик в оконной нише, я поджала ноги по-турецки, почти совсем задернула гардину из розового штофа и оказалась в убежище. Здесь я чувствовала себя защищённой и свободной. Не нужно было держать спину прямо, сидеть как подобается светской даме. Можно было оставаться собой и, похоже, всех устраивал тот момент, что меня не существовало в жизни моих «любимых» родственничков около трёх часов в день. Я брала с собой книги и подолгу рассматривала рисунки и иллюстрации. Я часто представляла, как рисую линии и изгибы или фотографирую людей. Я часто рассматривала издание знаменитого мастера фотографии, стоящим наравне с Левицким, это был Андрей Деньер, выпускник Академии художеств, открывший в 1851 году в Петербурге "Дагерротипное заведение художника Деньера". Он первым создал альбом, в который вошли фотопортреты известных деятелей русской культуры: путешественников, ученых, врачей, артистов и писателей.

Справа меня прятали алые складки гардины, слева прозрачные стекла. Время от времени, переворачивая страницу книги, я поглядывала в окно на открывавшийся за ним не меняющийся вид – вдали темнел лес, периодически из-за туч появлялось солнце, ветер гнал дождевые тучи над гнущимися ветками деревьев и кустов. У меня всегда мёрзли ноги, они были холодные как льдинки, но я упрямо не покидала своего укрытия, несмотря на холод, тянувшийся с веранды. Однажды я взяла книгу, принадлежавшую мачехе. Она была религиозного содержания и в ней описывались, а также иллюстрировались человеческие грехи. Страницу, на которой дьявол держал женщину за плечи, я тут же перевернула, холодея от ужаса. Как и другую, где вместе с народом в толпе зевак стоял кто-то черный с насмешливой улыбкой, глядя на виселицу стоящую впереди. Каждая картинка содержала какую-то поучительную историю, страшную и загадочную для моего неразвитого детского ума. Все же это было хоть и страшно, но необычайно интересно – не меньше вечерних рассказов Зинаиды, когда она бывала в добром расположении духа и уютно хозяйское бельё. Она разрешала мне сидеть рядом вместе с её племянкой, которая была старше меня на три года. Зинаида потчевала нас перипетиями

любви и приключений, заимствованными из старинных сказок и еще более старинных баллад. Когда она разглаживала кружевные рюши на платьях Леоноры, то замолкала.

Это было днём, после обеда. Штора резко одёрнулась в сторону. Мачеха смотрела, сердито сдвинув брови.

– Зинаида подойдите и заберите у неё книгу!

Зинаида повиновалась. Я встала, готовясь к очередному приговору мачехи, опустив глаза.

– Как ты посмела брать мои книги! Ты ещё ничего не смыслишь в этом! – крикнула она, не сдержавшись – Если ты так этим интересуешься, я отправлю тебя туда, где тебе об этом подробно расскажут.

– Простите, меня интересуют только рисунки, я даже не читала...

– А скоро придётся – прошипела она, стиснув зубы – Заприте её в чулане!

– Нет! Пожалуйста, только не в чулан!

Зинаида, молча, вела меня в чулан. Я ненавидела её за это, как можно быть такой бесчувственной старой девой! Я ещё не понимала, что она не могла перечить хозяйке, она была таким же пустым местом, как и я. Через щели чулана проникали тонкие лучики света. Я боялась, что пауки спустятся мне на голову и поползут за шиворот, я кричала и задыхалась от плача, но никто не выпускал меня. Я слышала, как смеется моя сестрица и брат. Ну чем он может быть лучше неё, я ошибалась на его счёт, всё это семейство просто мерзкая саранча. Сколько раз уже я была здесь и наблюдала часами, как маленькие частицы пыли, видимые на просвет, поднимаются вверх к черному потолку чулана. Вот и наступил тот день, когда я впервые молча, снесла это наказание. Зинаида как всегда открыла дверь в положенное ей время. Я стояла, смотря ей прямо в глаза, и не двигалась с места. Я чувствовала её оцепенение, я смотрела на неё и представляла как все те пауки, которых я так долго боялась, ползут своей бесчисленной толпой на неё, обвивая своими лапами её тело, и залазают в её уши и ноздри. Наверно мой вид был ужасен в ту минуту. Мне уже были не интересны её сказки, и я теперь не заходила к ней во время глажки. Я видела, как она говорила с Леонорой, и думаю обо мне. Ведь это так плохо для ребёнка побороть свой страх. Возможно, они обсуждали то, что в скором времени я вырасту и стану неуправляемой, может они чувствовали растущую в моём лице угрозу. Да я понимала это, ведь мне было уже почти восемь лет. Но что могла сделать? Девочка, потерявшая сначала мать, потом отца и в итоге находящаяся в своем доме, словно в тюрьме. Вскоре наступил роковой для меня день и все мои представления о том, что умрет Леонора или я сама оказались пустыми и глупыми.

1863 год. Мне исполнилось восемь лет. Я мечтаю стать взрослой и уехать в Петербург из Свенцяи. И да, мечты частично сбываются. Я уехала из Свенцяи, но не в Петербург, а в ещё более отдаленное и серое местечко с ещё более суровыми законами. Какое мучительное ощущение для маленького существа – чувствовать себя покинутым в этом огромном мире, покинутым на произвол судьбы, осознавать, что возвращение уже невозможно, никто не ждет меня дома, да и дома у меня уже нет. Иногда в перерывах между паническим страхом неизвестности меня согревал тлеющий уголек гордости. Иногда мой страх возобладал над всем моим маленьким существом, и мне не было спасения. Наконец я заставила себя смириться со своим положением. Достопочтенные монахини-воспитательницы мне пояснили всё слишком доходчиво.

Однажды утром я проснулась от резкого движения пальцев теребивших меня за плечо, они впились в меня как сухие твердые ветки, я привстала с постели, другие девочки, жившие со мной в комнате, ещё спали. Надо мной стояла монахиня в своём темном одеянии и строго смотрела на меня, что-то говоря. Её слова протяжным гудением отражались в моей голове. Я поняла, что она хочет. Чтобы я, одевшись, следовала за ней. Не умываясь, я пошла за ней по длинному холодному коридору, ведущему из жилого корпуса в учебный. Спит ли вообще эта женщина и является ли она таковой? Мне хотелось знать, посвятила ли она свою жизнь

Господу добровольно или же её вынудили обстоятельства. Возможно, её выперли из дому, так же как и меня. Она шла твердой походкой, подошва на левой ноге была косо стерта, она явно косолапила, но нисколько не смущалась того. На вид ей было лет пятьдесят, но думаю, если бы она оделась как обычная мирянка, то выглядела бы по-другому, скорее всего моложе. Она всё время оборачивалась и бормотала себе под нос, ругая меня за медлительность. Меня бил озноб и я точно нахохленный воробей вприпрыжку попевала за ней. В учебном корпусе мы поднялись на второй этаж и зашли в класс, там за учительским столом сидела старшая воспитательница, погруженная в глубокий мыслительный процесс над ворохом бумаг. Она спустила очки на кончик носа и оглядела меня как-то недовольно.

– Садись. Вот держи и читай – она протянула мне бумагу с выпуклой смолянистой печатью. Спустя несколько минут она раздражённо прикрикнула на меня, мол, чего я не читаю, а тарашу на неё свои черные зеньки.

– Я уже прочитала.

– Ты слишком быстро читаешь! Небось, ничего и не откладывается в твоей головке. Если ты не перестанешь быть такой отрешённой и не покорной, мне придётся освидетельствовать твоё психическое здоровье и в случае отклонения перевести в другое заведение, не дающее образование, а лишь содержащее в надлежащих условиях детей с различными нарушениями. Но поскольку твоя мачеха была так любезна, оплатить твоё содержание и обучение здесь, я дам тебе некоторое время обосноваться и привыкнуть. Знай, его у тебя слишком мало.

Она требовала действительно слишком многого от меня. В пансионе я всего- то месяц, но похоже всем на это плевать. Здесь уважали стадность и покорность, присутствием Бога здесь и не пахло, молитвы оставались лишь словами, а поведение монашек не являлось примером благочестия. Пансион находился под единоначалием игумений. Непосредственный надзор и наблюдение осуществлялся специально выбранными для этой цели монахинями в должности смотрительниц. Педагогической деятельностью занимались сами монахини, а Закон Божий преподавали окончившие семинарию послушницы. В основном пансион содержал и воспитывал сирот, хотя были и девочки имеющие родственников. Такие как я, здесь быть не должны, но о моем происхождении никому тут неизвестно. Более унижительного способа избавиться от меня и не придумаешь! В общем, здесь готовили и обучали будущую прислугу, правда, достаточно образованную. Говорят, некоторым воспитанницам посчастливилось выбиться, так сказать в люди. Например, по словам смотрительницы Феофанны, напоминающей напутствие для новичков, было известно, что некая Лидия окончившая здесь обучение ещё в 1852 году была успешно пристроена в один из богатых домов Тверской губернии, а оттуда, спустя три года службы она иммигрировала в Париж. Другая особа была замечена в шикарном туалете и широкополой белой шляпе с пером, где-то на главной улице Курска, где по случаю выполнения образовательной миссии находилась одна из монахинь надзирательниц. Она была очень расстроена и даже затаила обиду на то, что эта видимо ставшая вдруг «светской» особа не пожелала даже поздороваться. Возможно, эти истории приободряли кого-то из девочек и делали их мечты более реальными. В любом случае всё что нам здесь оставалось в безграничном использовании, так это наше воображение, а вот в реальной жизни пансиона нас ожидало учение «Закона Божьего», Ветхий завет, объяснение Богослужения главных двенадцатых праздников, русский язык – чтение и грамматика, а также работа в саду – огороде. Полная и на мой взгляд просто отвратительная женщина приезжавшая один раз в неделю или даже в две обучала нас этикету и манерам поведения. Я ждала этих уроков, очень ждала. Они были единственной нитью связывавшей меня с моим прошлым в этом захолустье. По различию своего возраста и развития послушницы были разделены для удобства в занятиях на два отделения: старшее и младшее. Из коих к первому причислено 14 учениц, ко второму 22 ученицы младшего возраста включая меня.

По мере моего взросления и качества чтения, я стала интересоваться газетой, которую приносил нам почтальон еженедельно. Её читал настоятель, затем все надзирательницы, потом она оказывалась в толстой газетной подшивке. Пусть, это были уже не свежие новости, но я, по крайней мере, была в курсе событий. Из одной статьи я например узнала, что некоторые женщины, имеющие достаточно высокое образование, предпочитали поступление в монастырь Тамбовской епархии, замужеству. Вообще образовательная деятельность женских обителей стала более активной, чем раньше. Правительство активно способствовало развитию сети начальных, средних и высших учебных заведений. Например, женские монастыри Курской епархии начали играть огромную роль в образовании и использовались как базис для основания начальных учебных заведений. Монастырское образование становилось все более популярным, так как по качеству знаний не уступало народным училищам, а социальное положение и материальные возможности не являются препятствием для его получения.

Там под заголовками «Вестей» кипела жизнь, строились железные дороги, города. Паровоз Варшава – Санкт-Петербург привозил знаменитых врачей и ученых, собирались консилиумы, давались премьеры спектаклей и оперетт. Я жаждала той разыгравшейся в моем воображении жизни, происходящей в столицах Российских городов. Всё что у меня осталось – это мои мечты.

Глава 3

Иногда на меня накатывалась грусть. Неужели я не заслуживаю любви? Я смогла уловить лишь её обрывки. Я знаю, отец любил меня, хотя редко проявлял чувства, мне так не хватало мамы, я практически не помнила её. В моей голове проскальзывало воспоминание, которое я бережно хранила, надеясь, что оно настоящее. В нём была молодая женщина, её светлые волосы свисали, она наклонилась надо мной и что-то говорила улыбаясь. Это было одно из нескольких воспоминаний, которое я вновь прокручивала в своей голове, находясь в приюте, в те минуты, когда было особенно тяжело. В пансионе к нам относились одинаково плохо, в женщинах воспитывающих нас не было милосердия, мне кажется, я стала такой же. Возможно, в глубине души я хранила веру в любовь и во всё прекрасное, что может случиться в жизни женщины, но мне уже было сложно раскрыться, несмотря на свой молодой возраст, да и некому. Моя подруга «кудряшка» верила в любовь, она верила что выйдет из пансиона и будет прислугой, но никак не путаной или нищенкой, она верила что и для этого слоя общества жизнь может сложиться счастливо, что скорее всего она выйдет замуж за садовника или кого-то из прислуги, у них родятся дети и будет дружной семья. Но она умерла слишком рано, чтобы хотя бы одна из её надежд воплотилась. Как это может быть!? Невинная душа была покалечена и зверски убита, ей даже не дали шанса на любовь! Она была так молода...

Если бы она была жива и вышла с приюта, её сердце также было бы разбито, она бы поняла и увидела эту жизнь- жизнь людей второго сорта, прислуг рожденных обслуживать своих хозяев. Она не знала что я из знатной семьи, я не могла разрушить её мечты своими аргументами. Хоть в нашей семье к прислуге не относились плохо, но и никто особенно не заботился об их жизнях. Я знала, как тяжело приходилось им не понаслышке.

Жить так, не мой выбор!

«Я часто чувствовала себя потерянной и измождённой, иногда казалось, всё налаживалось. Вроде и силы появлялись для борьбы и для строительства планов на будущее, но вдруг появлялась проблема и она обрушивала весь внутренний настрой. Всё летело к чертям, даже плакать не оставалось сил, снова не хотелось ни с кем разговаривать. Ком собственной слабости перед обстоятельствами подбирался к горлу, сознание молчало. Я жила как чайка, я часто сравнивала себя с чайкой, хотя видела море всего лишь раз из окна экипажа, когда мы ехали с родителями вдоль обрывистого морского побережья, и оно покорило меня своей красотой. Да сравнение с чайкой определенно подходило мне, волны жизни также бросали меня, и также иногда я взлетала в своих мечтах, как она, высоко над пучиной жизни. Я часто вспоминаю «кудряшку», она была мне ближе всех. Наше знакомство произошло спонтанно в один из серых будничных пансионских дней. Худенькая девочка с рыжими волнистыми волосами одиноко копалась у корней раскидистого дерева. Я видела её здесь, уже не первый раз и у меня сложилось мнение, что она изгой среди своих одноклассниц. Внешне она выглядела такой хрупкой и пугливой, что я решила обозначить своё присутствие, кашлянув у неё за спиной пару раз. Она обернулась, большие грустные глаза захлопали длинными ресницами и округлые брови приподнялись.

– Что ты делаешь?– мягко спросила я. Выражение её лица стало добродушным, она приветливо улыбнулась.

– Мох здесь, как звездочки, приглядишься

– Да действительно, никогда не замечала. Ты давно в пансионе?

– Больше месяца.

– Друзей так и нет?

– Как видишь...– она пожала костлявыми плечами.

- Если хочешь, мы можем встречаться здесь после уроков и играть.
- Да конечно! – она радостно улыбнулась, и мне стало очень приятно.
- К тебе приходят посетители по воскресеньям?
- Нет, ко мне никто уже не придёт...
- Понятно, значит у нас свободно ещё и целое воскресенье.
- Не полностью, утром мы убираем храм после службы.
- А что тебе уже десять лет?
- Нет всего девять
- Значит, на следующий год я тоже буду убирать?
- Скорее всего.

В этот день мы долго болтали, и я впервые почувствовала какую-то лёгкость и понимание. Мы придумали делать кукол из цветов. Нанизанный на тонкую палочку выюнок годился за юбочку, а голова была из почки. Мы играли в корнях поросшего мхом дерева, устроив там для своих кукол лесной дворец. В моей жизни появился смысл, мне хотелось видеть её каждый день. Однажды она произнесла странную речь, я помню её и сейчас. В то время она меня несколько расстроила и смутила, сейчас же я удивляюсь её глубокомыслию. Она росла с мачехой, и это было нашей общей бедой.

– Ну что ж, – спросила я нетерпеливо, – разве твоя мачеха не жестокосердная и злая женщина?

– Да. Она была жестокой ко мне, ей не нравился мой характер. Я помню до мелочей все ее слова, все обиды. Ее несправедливое отношение, так глубоко запало мне в душу! Я бы чувствовала себя счастливее, если бы постаралась забыть и ее суровость и то негодование и страх, которое она во мне вызвала, но я до сих пор не в силах преодолеть эти чувства. Но время шло и я старалась простить её.

– Зачем? Какой смысл, после всего, что она сделала? Она отправила тебя сюда после смерти отца, хотя могла и позаботиться.

– Я ей чужая, а прощение нужно не ей, а мне самой...

Я продолжала смотреть на неё и после того, как она замолчала. Вид её был, как и всегда болезненный и несколько отрешенный. Во мне бушевали волны несправедливости и обиды за неё. Что она говорит? Её слова наверняка продиктованы устами навязанной здесь религиозности.

Глава 4

Бревенчатый, темного дерева кривой потолок давил, если смотреть на него лежа, поэтому я старалась уводить свой задумчивый взгляд в окно, напротив кровати моей подруги. Нас поселили в одной комнате, это было счастливым совпадением. Она и пейзаж, состоящий из нескольких деревьев, вот только на что было приятно смотреть в этом удручающем месте. Я всё время удивлялась её стойкости спать у окна. Холод, заползающий через щели в комнату особенно зимой, был не выносим. Я часто не могла заснуть от холода, закутывалась до ушей в шерстяное одеяло, но и оно не спасало. Иногда она приходила и ложилась рядом, она была такой теплой. Мне было стыдно просить её об этом, но она словно чувствовала мои страдания и просыпалась, затем карабкалась в темноте к моей кровати и залезала под одеяло, чтобы согреть меня. Рано утром она шла обратно, потому что если бы воспитательницы увидели, то посадили бы её в погреб на всю ночь, как это было однажды. В нашей комнате жили пятеро девочек, не считая меня. В пансионе я научилась врать и делать вид что чего-то не понимаю и не слышу. Но, я слышала всё, вдобавок я умела анализировать, поэтому и знаю многое о них. Я знала о монашеских грешках воспитательниц, я знала, где они хранят ключи и бумаги, документы на каждую из нас, а также фотографии. Они никогда не изменяли своим привычкам, даже грешили они, чуть ли не по расписанию. Может религия это хорошо, но я знала её организацию изнутри и вряд ли кто-нибудь сможет меня убедить, что священник, слушая исповедь молодой девушки, в это время не думает как бы её отыметь.

Раньше я обижалась на то, что меня не замечают, не слушают и не воспринимают всерьёз. Когда я знала, что права я всегда настаивала и спорила. Когда я повзрослела, и мне исполнилось шестнадцать, я поняла всю бессмысленность такого поведения. Я стала другой и все это чувствовали, мне больше нечего было им доказывать. Мы были в одной лодке и мы точно знали, что уже никто не возьмет ни одну из нас на попечение. Мы потеряли всякую надежду на обретение семьи и готовились лишь стать прислужницами.

Шли дни, месяцы и годы почти ничего не менялось, разве что умерла одна из воспитательниц. В нашей большой комнате стояло шесть кроватей. Узкий проход и одно окно, до боли надоевшее. Зимой в него так сильно задувало, что слышался свист. Девочки, располагавшиеся близко к нему всё время мерзли и заколачивали его тонко нарезанными тряпочками. Я не была близка ни с одной из них, не скажу, что они были такие плохие, просто в силу своего характера. Они же в свою очередь считали меня нелюдиминой и оттого странной. Виктория, простая и скромная до того любила читать, что мы помогали ей воровать ночью книги у заснувшей смотрительницы, чтобы она могла пару часов почитать. В нашей библиотеке были лишь учебные и книги религиозной тематики, но Виктория читала и их, правда с меньшим энтузиазмом. Я не представляла её в образе прислуги, наверно кому-то очень повезёт, если она будет работать в доме, в котором есть дети. Она могла бы многому научить их. Одного я не могла понять, что у них общего с Кати.

Кати и Виктория были подругами, вообще у Кати было много подруг, надо сказать она пользовалась популярностью из-за своей непринужденности доброжелательности и простоты в общении. Она была самой младшей и самой симпатичной девочкой среди нас. Лена завидовала ей и часто была с ней груба, но всё же защищала от периодически задиравшихся девочек с другого класса. Таня мечтала о светской жизни, она говорила, что не поступится ничем на пути к своей цели. Она настойчиво требовала называть её Тая, это имя ей казалось более изящным. Хотя она и была обычной пятнадцатилетней девушкой с большими амбициями, я всё же видела в ней доброту и заботу. Казалось, она борется с этими чувствами, считая их неуместными помехами, но бродячие коты и собаки получали всю её ласку и спрятанные в карман формы куриные косточки. Оксана мне была неприятна, она часто откусывала заусенцы

на пальцах и часто краснела, так как была слишком эмоциональна. Она часто плакала по каким то пустякам, то дразнят её, то едой обделяют, то кричит на неё воспитательница – все это оканчивалось вышперечисленной картиной, так сказать все три раздражающих меня фактора в одном. В такие минуты я выходила из комнаты, чтобы остаться незабрызганной её нюнями. Она и раньше была такой: обидчивой, некрасивой и низкорослой девочкой. Сейчас ей уже четырнадцать, но она не только не изменилась, но ещё и не выросла, она была ниже нас всех кого на голову, а кого и ниже. Мы видели, как она комплексует из-за этого, поэтому не акцентировали своё внимание на её росте, к тому же не считали это каким-то недостатком по сравнению с прочими.

Мы были вместе на протяжении восьми лет, никого из нас не пытались удочерить, хотя я вообще на это не рассчитывала. Меня очень удивляли мечты Оксаны о том, как её с распротёртыми объятиями встречают в приёмной семье, как родную. Но ещё больше удивляли её упадочные состояния, когда она вдруг осознавала всю нереальность своих фантазий. Проходило время, и она вновь ныряла с головой в омут своих фантазий. Ну, кому, как легче. Правда я слышала пару историй приближённых, как мне кажется к роду легенд о девочках, которых забирали в приемные семьи. Одна из них выступает в цирке с приемным отцом, который работает фокусником. Как известно циркачи часто переезжают, поэтому сведений о её жизни нет. А о других болтают разное, но факт в том, что их возраст был до десяти лет, и мы никому не нужны, даже Кати – ей тринадцать.

Иногда случаются непредвиденные странные события, они сплетаются друг с другом и вращаются вокруг тебя, плотно заключая в своё удушающее кольцо. Наши жизни становятся зависимыми от обстоятельств и мнений посторонних людей.

– Кати! Пойди сюда, да поскорее! – позвала воспитательница, быстро поднимаясь по лестнице. Она улыбалась, и это очень настораживало, затем схватила руку Кати и потянула обратно, вниз по лестнице за собой громко стуча каблуками. Я спряталась за угол на верхнем этаже и задержав дыхание наблюдала.

Я увидела её внизу. Элегантная молодая женщина в шляпе вальяжно присела в комнате ожидания. Настоятель сам вышел к ней, любезно распинаясь чуть наклонившись перед ней, затем взял её руку в сетчатой белой перчатке и поцеловал своими жирными и мерзкими губами, так что меня перекосило, затем они о чем-то недолго шептались и из ридикюля мадам показался конверт. С ловкостью фокусника настоятель перехватил его в свой карман. Он позвал старшую монахиню и наказал привести Кати вниз. Ясно было одно! Он продал Кати! Но пока неизвестно, возможно это её шанс.

Мы долго ждали её в комнате, пока она резко не ворвалась в неё. Щёки Кати пылали она выглядела счастливой, её дыхание перехватывало и она очень эмоционально поведала нам, что в холле её ждала незнакомая ей ранее богатая дама средних лет в красивой шляпе и платье.

– Что она сказала тебе? – спросила Виктория.

– Она поздоровалась и протянула мне руку.

– А ты?

– Я тоже и присела, как учили...

– Дальше то что?

– погоди, Виктория! Мы хотим услышать все подробности из первых уст – перебила её Лена, она была самой рассудительной и серьезной, просто «Елена Премудрая» из сказки.

– Мы присели, и воспитательница оставила нас – продолжила Кати.

– Странно, а почему она ушла?

– Эта дама попросила её оставить нас наедине, даже настоятель ждал на террасе. Дама сказала, что если мне будет угодно, она заберет меня в свой дом служанкой, чтобы я прислуживала богатым сэрам на приемах и вечерах, которые она часто у себя проводит.

Кати покраснелась ещё больше, она была так эмоциональна и красива. Она была самой красивой из присутствующих в этой комнате и самой младшей. Я уже понимала к чему идет дело, но молчала. Я ещё никогда не видела её такой счастливой, кудряшки белых прядей словно взбушевались на её голове, реагируя на взбудораженное состояние внутреннего мира.

Я не верила этой женщине, её выражение лица было каким-то не настоящим. Чем дольше я смотрела на неё из своего укрытия, тем больше уверялась, что она в маске любезности и выдуманной добропорядочности. Я не спешила делиться своими мыслями по этому поводу, так как не раз была обвиняема в своём негативном восприятии ситуаций, ещё я не хотела, чтобы девочки думали, будто я завидую Кати. Я даже боялась признаться самой себе, как ей завидовала! Я считала её глупой и безвольной пустышкой с миловидной внешностью... да что я говорю, она была красива и улыбочива! Сохранить доброе отношение к жизни и улыбку в таком то месте, настоящий подвиг сердца. Да я считала её отважной, везучей, яркой,... Чем больше я думала о ней, тем ясней становилась моя собственная ничтожность. Мои светские корни не спасли меня от участи прислуги, моя внешность была какой-то простой и если бы не моя мраморность кожи никто бы из девчонок не поверил что я родом из знатной семьи. Наверное, они бы думали, что я врунья или фантазёрка, ведь никто из воспитателей ни разу не обмолвился о моём знатном происхождении, со мной обращались так же как и со всеми – пренебрежительно. Иногда мне казалось, что они смеются за моей спиной. Сейчас, в эту минуту, каждая из нас примеряла на себя образ Кати. Она и сама не могла поверить в то, что с ней происходит. Её документы были переданы рыжеволосой даме на следующий день вместе с Кати. У меня было ощущение, будто её передали ей как товар со счетом.

Утро следующего дня было грустным, все мы коллективно утирая слёзы, кто сожаления, кто боли разлуки стояли на веранде. Кати легкой походкой покидала пансион в новом розоватом платье с оборками и рюшами, играющими на ветру, старой обуви не было видно под длинной юбкой, но та добрая фея унесшая её в лучшую жизнь, обещала купить и новые туфли, и многое другое. Она послала нам воздушный поцелуй и обещала навестить, но мы чувствовали, что увидимся не скоро. Тихий час не был тихим, груз мыслей зависший над каждой из нас не давал уснуть, зато обед прошёл в полном молчании.

– Ничего, скоро всё наладится и мы будем жить как раньше, через года два, три мы все вылетим отсюда свободными птицами. – Сказала Лена, прервав надоевшее всем молчание, чуть только мы вошли в комнату и закрыли дверь.

– Так уж и свободными! Свобода будет длиться недолго, и думаю стоит помолиться, чтобы на наши рекомендательные письма дали ответы, – скривив губу произнесла Тая.

– Что тебе эти ответы? – резко ответила Виктория.

– А то, тупица! На улице будешь спать, пока не устроишься в какой-то дом, а богатых домов не так много, придется пешочком идти до другого города, чтобы там совершать свои тщетные попытки. Особенно если внешность то не очень...

Виктория пропустила мимо ушей последние слова.

– С другой стороны пансиону не выгодно вышвыривать нас просто так, управляющий надеется получить хоть какую-то сумму за каждую из нас.

– Всё равно никто не будет заботиться о нашем будущем, интересна лишь эта сумма, а не наши жизни. Никто не может гарантировать, что будущие хозяева не извращенцы или садисты, с таким же успехом кого-то и в бордель упекут, – внедрилась в разговор Оксана, начав как всегда с пессимистической ноты.

– Да прекрати ты грызть ногти! – крикнула на неё Лена

– Да, тебе ещё два года осталось... ты самая старшая, а слушать никого не хочешь. Тебя это в первую очередь касается.

– Я всех слышу. А что сделать могу? С каждым может что-то случиться. А тебе я только сказала не грызть ногти и всё!

– Не издевайтесь над ней она слабее нас, мы должны держаться вместе и попробовать помочь той из нас, которая не получит письма.

– Виктория, скажи, а ты что последнюю книгу о приключениях прочитала? Да уж если в наши жизни до сих пор не врывалась сказка, то скорее всего так и будет.

– В наши пока нет, но я так хочу верить Тая, верить! Видите как повезло Кати.

Тая только фыркнула на слова Оксаны, закатив при этом глаза.

На этой огорчающей ноте разговор был окончен. Все злились, а я держалась в стороне от бурных бессмысленных обсуждений. Я думала о том, что уже второй день не вижу «кудряшку». Мы продолжали общаться выдуманскими прозвищами, теперь я переживала, что мы из-за этого можем забыть свои настоящие имена и потерять друг друга, когда выпустимся из пансиона. Я горела желанием рассказать ей о случившемся, но было уже нельзя, режим.

Время шло.

Мы выросли, менялось наше восприятие, появлялись новые проблемы, а старые становились ещё не сносней. Нас охватило ликование, когда старшая «надзирательница» ушла из пансиона, ей было за шестьдесят, характер отвратителен, строжайшая дисциплина, отбой и завтрак по расписанию, плетей столько, сколько выдержишь до обморока правда за дело, сырой подвал за не послушание. Радости не было границ, нас теперь стали отпускать гулять подальше. Подле пансиона была лесосека и речка, какое же было удовольствие купаться в реке, ныряя с помоста! Мы вкусили свободу и потеряли чувство контроля над своими судьбами. У нас отобрали то, что принадлежало нам, а теперь, выдают мелкими порциями. И мы прыгаем, как дети от радости, принимая своё за дары. Всё обман, иллюзия! Всё во что мы верим, кто-то хочет использовать в своих интересах. Всегда есть кто-то, кто стоит за твоей спиной и ждет, пока ты дашь слабину, чтобы разбить, уничтожить, осквернить. Кто-то хочет всегда подменить ценности, выдать придуманное им за правду, поймать тебя в ловушку. Не это ли происки дьявола? Он есть, или это люди оправдывают мифом о дьяволе своё зло? Да, я стала взрослее, я поняла, что такое плоть, я стала чувствовать её.

Лена вернулась с речки поздно, уже было темно и холодно. Она была в ссадинах и не поднимая глаз ушла в душевую мельком сказав, что упала зацепившись за корягу. Каждый день мы и другие девушки отдыхали у реки и не видели никаких коряг. Никто не придавал значения ни этому, ни её виду. Спутанные грязные волосы, рука поджата к груди, у меня слишком негативное восприятие реальности, но здесь явно что-то не так.

– Идем на речку Лен, – позвала Тая в воскресное утро, когда ещё остальные девушки спали.

– Нет.

– Вставай лежебока!

– Отвяжитесь!

– Заболела что ли? – спросила сонная Виктория

– Да уже сутки вылёживается, может врача позвать? – забеспокоилась Тая.

– Я предлагала, но она отказывается напрочь, – сказала Оксана с зубной щёткой за щекой и пошла в умывальню. Все девушки оделись и взяв метлы пошли на построение, сегодня они должны были убирать храм. Дело было в численности, по трое с комнаты, поэтому Лену любезно подменила Оксана.

Лена вновь заснула, я подошла ближе и увидела синяки на запястье. Ночная рубашка еле прикрывала грудь, пока никого в комнате не было, я заглянула в расстегнутый вырез. Её пышную грудь портил фиолетовый синяк, она открыла глаза и резко запахла, испуганно глядя на меня. Я не знала что делать, и выбежала из комнаты, я никому ничего не сказала. Через несколько дней всё наладилось, будто ничего и не было. Лена разговаривала, как и прежде, смеялась, но косо посматривала на меня. Она возненавидела меня за те мысли, которые она распознала в моих глазах. Наступил момент, когда избежать столкновения с ней было уже

не возможно. В душевой кроме нас никого не осталось. Я была последней по причине своей медлительности, а Лена вероятно только пришла.

– Что пялишься на меня? Ты? – Лена толкнула меня в плечо своей крупной рукой.

В душевой никого не было, только струящийся пар из перегородок. Она возникла неожиданно передо мной голая, завернутая в полотенце и какая-то агрессивная.

Я попыталась прикрыться полотенцем, но она наступала. Она была выше и шире меня, загораживая собой проход.

– Я чем-то тебя обидела?

– Следишь за мной, вынюхиваешь. Что нужно от меня? Что ты задумала?

Она напирала, между нами тонкой струёй лилась вода из душа, мне уже некуда было отступить, я нервничала. Сейчас она схватит меня за волосы и ударит головой о стену, а я не смогу сопротивляться, я зажата в стенах.

– Ты видела меня тогда в лесосеке, это была ты!

– Что? О чем ты? Я только была тогда в комнате! Помнишь?! Я не знаю сама, как так вышло, просто ты была такой странной. Я хотела тебе помочь... – пока я оправдывалась, она залепила мне пощёчину по мокрому лицу, щека загорелась и сразу же заболела голова.

– Ты всё разболтала им тварь! Как ты могла, мы же росли вместе! Она кричала и всхлипывала от слез. Чтобы я не говорила, она не слышала и продолжала угрожать – Я не дам вам отправить меня в бордель! Мне осталось быть здесь меньше года! Я ненавижу вас всех и особенно тебя, ты сдохнешь и всё у меня будет нормально, как прежде! Он обещал, что всё устроит, а ты... ты... – она бредила и была в агонии, она хотела убить меня и схватив за горло стала душить и трясти.

Острая боль. Кадык вдавливался в моё горло, я сопротивлялась и изо всех сил оттолкнула её. Она полетела как мяч. Скользящий пол пронес её на пару метров от моей душевой. Кровь смешалась с водой, её было так много, что я закричала, как могла, а потом упала в обморок. Кто-то тянул меня. Я чувствовала холод. Придя в себя, меня стал бить озноб. Три воспитательницы, настоятель и новый учитель, что-то бурно обсуждали надо мной. Я лежала на кушетке, повернув голову. Я увидела, как увозят тело Лены. Она умерла, это не сон, не сон... Все ушли, кроме учителя и настоятеля. Учитель Станислав склонился надо мной, глядя мне прямо в глаза так, что я вжалась в кушетку.

– Она споткнулась и ударилась о трубу прямо возле своего душа. Если бы не то обстоятельство, что это был её душ, а твой был ещё включён на момент падения, я бы мог предположить, что ты толкнула её. Но я думаю, ты бы не смогла такое совершить, да и причин у тебя не было. Ведь так?

– Так, – я чувствовала себя ничтожно маленькой и беспомощной, виновной в случившемся и испуганной. Моё сердце бешено колотилось, я была накрыта лишь простынёй. Он смотрел на меня хищными глазами, и я ещё не понимала, почему он кажется довольным. Все вышли и я мучимая виной, так и застыла в положении полной безнадёги в холодном светлом помещении изолятора.

Девочки перешептывались за моей спиной. Спустя двое суток, я вошла в комнату. В воздухе зависло напряжение, но я молчала. Хотя никто меня не спрашивал ни о чем. Я убеждала себя в невинности, прокручивая в памяти происшедшее. Её слова, что они могли значить, чем она была так расстроена? Я стала задерживаться на речке не только с кудряшкой, но и с другими девушками из пансиона. Всегда держась поодаль, но так что было слышно, о чём они говорят. Делая вид, что читаю, как-то под вечер я услышала разговор двух подруг. Они были намного младше и не догадывались, что ветер доносит их слова до моих ушей.

– Нора знаешь, если девушка не девственница, то после выпуска прямиком в бордель.

– Откуда ты знаешь?

– Девочки старшие сказали...

– Да они специально нас запугивают.

– Нам то бояться нечего в отличии от... хотя...

– Ну что замялась, договаривай?

– Да ладно, грех это...– она перекрестилась, а другая толкнула её локтём в бок. Тогда девушка наклонилась к ней и сказала:

– Та погибшая уже не девушкой была...

– Да ну!

– Тише. В столовой я слышала, как одна девочка говорила, что видела её с мужчиной в лесосеке.

– А..э...– Нора закрыла рот рукой от удивления – Где ж она нашла его?

– Большого не знаю, но думаю какой-то незнакомец, может опеку взять приходил, да и... случилось у них... упокой Господи её душу! – она снова перекрестилась.

Треск сучьев выдал приближающегося Станислава, его хорошо было видно с пригорка. Девочки засуетились, собрали вещи, поклонились и ушли оглядываясь. Я промедлила, и деваться уже было некуда, пришлось продолжить играть роль читательницы.

– Рекомендованная литература или свободный стиль?

Я занервничала, я так надеялась, что он пройдет мимо, но как же! Он сел рядом, заглядывая на обложку. Он был слишком молод для усов, ему это не к лицу, густые борода и усы скрывали значительную его часть. Прячется, он прячется за этой растительностью. А тебе негде спрятаться, ты чувствуешь его гнилую натуру и снова одна, здесь возле реки как покойная Лена. Может это был он? Он схватил её, а она сопротивлялась, затем сжал её с силой... Нет, успокойся это не он, он этого не сделает, не осмелится. Животное, почувствовавшее кровь, вновь нападёт, что может остановить болезненные инстинкты. Страх только его страх моё оружие, но как я вызову в нём страх, если сама боюсь. Возьми себя в руки!

– Свободный стиль.

– И что же предпочитают молодые особы вроде вас, любовные романы или детективы?– он самодовольно пригладил ус.

– Так, повести жизненные.

– Вы либо не читали, либо не поняли, о чем пишут. Скорее всего, вы во время чтения мечтаете о молодом принце, который похитит вас среди ночи из пансиона и увезёт далеко, далеко. Молчите, вы любите молчать? – он провёл рукой по моему оголенному плечу, и у меня перебило дыхание.– Когда вам больно вы тоже молчите?– он схватил пальцами бедро моей ноги, меня сковал страх, от мысли, что это был он, парализующий страх обезболил место хватки. Я смотрела прямо перед собой, в голове не было мыслей, только ожидание чего то.

– Я не хочу, чтоб тебе было больно, ты можешь довериться мне. Я могу отправить рекомендательное письмо о тебе в хороший дом, где никто не сделает тебе больно. Нужно только потерпеть сейчас и быть послушной...

– Станислав Семёнович к нам проверка! Хорошо, что я вас нашла! Так неожиданно!

– Да, сестра Мария. Я иду. Полиция приехала? – Учитель был разъярён, что его прервали, но сдержал пыл и задал вопрос, слишком громко, обернувшись и бросив на меня свой лисий взгляд. Я сидела все, также глядя перед собой. Я ощущала себя в ловушке. Когда он встал и направился к Марии, моё оцепенение ослабло. Прижав книгу к груди, я побрела к себе. Полиция на удивление быстро покинула пансион, даже не допросив меня, мои нервы были на пике, казалось от напряжения я упаду в обморок. Дни шли как обычно уроки, работа в поле. На реку я не ходила. Я решила не видаться пока с кудряшкой, мне было стыдно за себя. Я отгородилась от общества, старалась ни с кем не разговаривать, я наказала себя за то что испугалась и не дала отпор учителю.

Настоятель часто проводил нам лекции, он желал всегда находиться в курсе событий и даже знал поименно своих учениц. Как правило, это были старшие классы, девочки от четыр-

надцати до семнадцати лет. Сейчас было особенно важно не попадаться ему на глаза. Однажды идя по коридору между классами, я увидела настоятеля. Он совершенно обычно разговаривал с воспитательницей, делая вид, что меня не существует. Под мышкой он держал ворох бумаг, лицо его казалось озабоченным. Я прошла мимо, стараясь идти вдоль стены.

Уроки он вёл обычно, не бросая на меня косых взглядов. Вероятно, полиция оставила его в покое, признав случайность происшедшего. Кажется, он потерял ко мне интерес, чувство облегчения, освободило меня от скованности. Я чуть было не вернулась к своим мыслям о возвращении в поместье. Уроки тянулись вечность, но я боялась, что наступит конец и он попросит остаться. Его маленькие глаза сквозь очки поблёскивали, иногда мне казалось, я вижу его волчий оскал. Значит всё, опять он будет мучить меня или какую-нибудь другую девочку. Нет, не смотрю на него, пытаюсь влиться в толпу просочиться из класса вон, но слышу свою фамилию, он в приказном тоне говорит остаться и закрывает дверь. Я не могу дышать голова кругом, чем он ближе, тем мне хуже, но я не плачу и не кричу, как в прошлый раз. Я не смогу сидеть в той подземной кладовой в холоде и сырости, в этой чёрной гробнице, где меня никто не слышит. Тогда я долго лечила кашель и жар, и всем было всё равно, только кудряшка была со мной. Но чем она могла помочь? Кудряшка часто заходила в мою комнату, минуя надзирательницу и сновавших туда- сюда моих соседок. Она садилась рядом и сжимала мою руку, иногда её глаза слезились. Мне казалось, она понимала что происходит, но мы обе хранили молчание.

Я пыталась думать о чем-то постороннем, прижимая к груди тетрадь и учебник, но мысли путались. Мне пришлось подчиниться и войти обратно в класс. Дверь громко захлопнулась и по моим рукам пробежала дрожь. Мы стояли возле учительского стола. Деревянная указка, которой частенько били по пальцам, ползла по моей ноге, поднимая юбку. Она была уже высоко, и я вся сжалась от страха. Он грубо завалил меня на стол, произнеся: «Я проучу тебя! Ты навсегда запомнишь, где твоё место. Ты никому не нужна у тебя нет будущего! Лучшее для тебя, быть прислугой и выйти замуж за пьющего работягу, который каждую ночь будет делать это с тобой, но ты уже привыкнешь к грубости и боли, так что считай, я спас тебя от неё заранее. Я заплатил полицейскому, чтоб он не совал сюда больше свой нос, теперь ты будешь отрабатывать эту сумму или сгниёшь в тюрьме ... ». Он закричал, затем говорил ещё всякие гадости, пока я сжималась от боли, а указка всё резче вращалась. Готов ты к боли или нет, это ничего не меняет, она есть, и ты ничего не можешь с этим поделать, только ждать и терпеть. Я поняла его урок и запомнила.

На следующий день он смотрел на меня с превосходством. На уроке, когда я сидела полу-боком, опершись на руку, чтобы груз тела сместился вбок. Тут настоятель нервно поправил очки и, подойдя ближе, стукнул своей мерзкой указкой мне по пальцам. Я вскрикнула, сев ровно и терпела, решив для себя, что ни один мужчина не будет больше так смотреть на меня.

Я с трудом дошла до комнаты, в ней была только Кудряшка, пожалуй, она сейчас тоже была не к месту. Она что – то спрашивала, а я что- то ответила, затем мой голос потух, я уронила голову на руки. Кудряшка, молча, гладила меня по спине в этот вечер она не отходила от меня, не боясь никаких наказаний. Темная фигура шевельнулась в конце коридора, Кудряшка заметила её и приглушенно вскрикнула.

– Не поздно ли для посиделок? – тихим мужским голосом произнесла тёмная фигура, шагнула от двери и сразу заняла собой весь проём – Простите, я уже уйду...

Я отключилась от реальности и слышала Кудряшку издали, будто я не здесь, не в этой комнате и мне так хотелось, чтобы это было правдой, но больше всего сейчас мне хотелось, чтобы меня не было. Мне не было никакого дела до того, кто её увёл из комнаты и куда.

Глава 5

Я остановилась перед приоткрытой дверью, услышав голос настоятеля. Прозрачная дверь шкафчика отворилась и сестра в белом халате и чепчике накапала в рюмочку, какой-то микстуры.

Она сказала: «Выпейте, у вас высокое давление, это снизит его» – он выпил, приподнялся с кушетки. Поблагодарил сестру, когда настоятель выходил щёки его пылали, я была спокойна и не выдала ни одной эмоции, хотя он зыркнул на меня, точно волк. Я зашла в санкомнату следом, всё белое чистое кушетка, стеклянный шкаф стол, стул ничего лишнего. Здесь я уже третий раз, опять давал знать о себе проклятый кашель.

– Ты рано пришла.

– У меня закончился порошок. Вы говорили, что он скоро будет, а уже прошло три дня...

– Ну, знаешь! – разозлилась «сестра милосердия» – не в аптеке находишься! Все лекарства, что есть, нам привозят как пожертвование, а не под заказ. Выделяют от губернии жизненно важные, вот они то и есть.

– Это они? – я кивнула на шкаф

– Да, сердечные и антибиотики.

– А может эти подойдут, а то ведь дышать трудно – сделав лицо, как можно глупее я кивнула на капли, которые она капала «святейшеству». Та гордо рассмеялась, желая покичиться знаниями медицины, жалкая медсестра. Она сказала, одни капли повышают давление, другие понижают и могут быть опасны, если не выяснено, какое именно давление у человека. Я запомнила эти бутылочки. Медицину нам не преподавали, но мне было ясно, что может спровоцировать его повышение, если человек болен.

Ждать, ждать твердила я своему буйному разуму, пытаюсь усмирить гнев.

День был напряжённый, учителя спорили о чем – то, как я поняла должна приехать проверка. Он нервничал, я следила за ним, переходя из класса в класс. Я отмечала его состояние. Даже если не он выпьет те капли сегодня, даже если не он умрет мне всё равно, я терпеть не могла их всех. Всё равно никто ничего не заподозрит, здесь многое не хотят видеть и замечать. Бутылочки стояли на своих местах, правда, содержимое их было перелито из одной в другую. Теперь спасительная жидкость была смертельна, я знала, что он слишком жаден, чтобы покупать себе такое лекарство. Вероятно, дома у него есть капли, но здесь ведь дармовое, значит, его осталось только подтолкнуть к ним.

Уроки закончены я стою напротив его класса спиной к приоткрытой двери, смотрю в окно, затем открываю его настежь и такое же рядом, чтобы создать сквозняк. Коридоры пусты, я продолжаю стоять, знаю, он там и смотрит на меня через щель, приоткрытой двери. Я чувствую его кожей спины. У меня падает ручка, конечно специально. Я наклоняюсь так, чтобы он видел оголенные ляжки. Действует незамедлительно, святейшество уже шуршит башмаками. Сидя на корточках, я поворачиваюсь лицом к нему. Я на уровне его «слабого места» он заведен до предела, щёки горят. Делаю лицо глупым, и пугливым не встаю, он в восторге. Чувствуя свою силу, оборачивается по сторонам. Хватает меня за плечо и тянет в кабинет, затем садит на стол. Я упираюсь в него руками, отталкивая и играя недотрогу, умиляясь своему плану. Завожу сопротивлением до предела и сдаюсь. Стол ходуном. Смотрю на дверь, делая вид, что плачу, заглушая свист ветра. Дверь распаивается от создавшейся тяги и сразу же хлопает. Я кричу вслед воображаемому свидетелю нашей сцены, он верит в то, что нас увидели. Тяжёлое дыхание, он запрокидывается. Делаю последний штрих, рискуя подземельем, кашлем и чертовой указкой, если его фантазия такая узкая, как я думаю.

– Я напишу письмо вашей жене, она узнает, что три девушки из пансиона подвергаются вашим извращениям и насилию, теперь этому есть свидетели. Я знаю человека, который нас

видел и он охотно подтвердит это – настоятель багровеет от злости, сжимает зубы и хочет ударить меня, но сдерживается. – Я соберу их подписи, мы всё расскажем комиссии, которая будет здесь, а потом и полиции. Мы все несовершеннолетние, а самой младшей из нас тринадцать!

Он кричит и плюётся слюной, замахивается не на шутку, смотрю ему в глаза не шелохнувшись. Улыбаюсь. Он ошарашен, отступает. Я на коне, чувство превосходства в моих глазах, несмотря на всю грязь, в которую меня окунули. Я верю всё больше в свой план и от того мои слова звучат так убедительно и твердо.

Добиваю нежно: «Не надо милый! После всего, что между нами было...» – трагически сдвигаю брови, перебрасывая ногу на ногу. Он вылетает в бешенстве из класса, расстегивает на ходу ворот. Куда он? Мысленно говорю ему как беззвучное внушение вслед, «Иди в санкомнату, иди в санкомнату...» сердце скачет, потеют ладони, я тихо иду за ним. Действительно он направился туда, к санкомнате. Выжидаю пару минут. Смотрю в щель. Он там. Да, сидит в углу что-то пьёт. Шепчу: «Пей капли, пей грязный ублюдок». Сегодняшней ночью я подменила капли, в тот пузырьёк, что настоятель принимал в прошлый раз, я влила капли наоборот повышающие давление, дозировка была много больше. Я рисковала. Я могла убить ни в чем неповинного человека, которому вдруг стало бы плохо этой ночью или на утро. Но я была твердо уверена, что должна прекратить этот ад и что будет всё именно так, как я спланировала.

Убираюсь в растерянности к себе, девчонки галдят, не могу сосредоточиться. Наступил ужин. В столовой тишина, никто не ест. Я опоздала, слишком долго была в комнате около четырех часов. Старалась взять себя в руки.

– Что случилось? – тихо спрашиваю соседку.

– Минута молчания. Настоятель покинул нас. Сердечный приступ – объявила старшая, с каменным морщинистым лицом и прошла вдоль столовой, к выходу.

Да... получилось! Радости не чувствую, облегчения тоже. Смотрю, за соседним столом плачет эта тринадцатилетняя дурёха. Почему? Ей жаль «святейшество» или что больше не будет шоколада или же это слёзы радости освобождения? Я вспомнила его слова, ту милость, которую он оказал нам троим, обучив терпению издевательств над собой. Я поклялась себе, что ни один мужчина не причинит мне боль если я сама того не захочу, собрала чувство превосходства в ладонь и сжала так, чтобы больше никогда оно меня не покинуло.

Спустя месяц.

Никто не хотел видеть реальные вещи, и это было ещё более трагично. Девушки молчали им оставалось совсем немного до выпуска и если раньше переживали, возьмут ли их на работу, то сейчас многие думали: доживут ли они до того дня, когда хоть на миг станут свободны. Несмотря на смерть настоятеля, ничего не изменилось, таких как он здесь было ещё несколько, например учитель Станислав. Он был намного осторожнее и умней, но до сих пор я могла избегать его. Мою подругу постигла страшная участь, её изнасиловали и забили до смерти, затем отвезли в лес и скинули с обрыва. Тело нашли и сказали, будто она сбежала ночью и по неосторожности упала. Казалось, смерть настоятеля всё решит, но здесь процветал грех, он пустил свои корни во многие сердца. Христианская обитель превратилась в схрон зла. Женщины были озлоблены, а мужчины развратны.

«Никто не будет ворошить это дело, смерть избавила её от тяжёлого будущего и подарила нам почти месяц бесплатного питания на одну особу, она ведь умерла в начале месяца, когда закупка питания уже произвелась...» произнесла заместница настоятеля. От этих случайно мной услышанных слов, я пришла в такую ярость, что возникшее сильное головокружение прибило меня к стенке. Это была для меня третья тяжелая потеря. Её тело было похоронено на пансионском кладбище, 64 могила, просто насыпь без атрибутики и банального креста. Сюда редко кто-то приходил, но я осмелилась. Тишину раннего утра нарушал лишь сорочий треск, под ногами стелился лёгкий туман. Горсть земли в моих руках была влажной и рассыпчатой, от неё пахло сыростью и травами. К моему горю примешались и другие воспоминания, создав

обжигающую смесь страдания. Мои ноги занемели от сидения на корточках, и я встала прислушиваясь. Я думала, поговорю с ней, но слова не приходили в голову, даже её образ представлялся смутно. Я положила на могилу полевые цветы. Из-за тучи выглянуло солнце и раскидало свои лучи по деревьям. Каждый восход солнца это новый день, новый день – это новая жизнь. Мне бы хотелось верить, что человек подобен солнцу, что он может начать новую жизнь.

Кто это сделал мне известно и без следствия. Девушки будут молчать и я тоже. Наступит день, когда эти святоши ответят за то, что сделали с ней.

Пора уходить... пора! В украденном на конюшне дорожном плаще путника, смутная тень в затуманенных вином глазах конюха, я была пока что в безопасности.

Было холодно. Холоднее, чем зимой, иней выступал на камнях. В этом году весна не спешила вступать в свои права, ночные заморозки били почки на деревьях, не давая распуститься молодой листве. Стволы деревьев стояли голые и тёмные. Птиц поблизости не было, только чёрное воронье да сороки. Стая ворон опасна, они могут нападать на людей, в приюте я слышала, как сестру одной из воспитательниц ещё в детском возрасте заклевали вороны. Поэтому я взяла толстую ветку, очистив её от сучков, превратила в посох, ну и заодно его можно было использовать для самообороны. Я остановилась и подняла голову, устремив взгляд в серую вышину. В небе кружили чёрные птицы, образуя воронку, затем переступила с ноги на ногу, стараясь удержать равновесие. Меня немного тошнило, тело теряло ориентацию в пространстве, а сердце колотилось, на спине выступил холодный пот. Я резко освободила шею от намотанной шерстяной шали и присела на холодную землю, дурное самочувствие должно было дойти до определенного пика и дальше сходить на нет. Правда после часто болела голова, но это было не слишком мучительно. Я знала, что должна выдержать примерно минут двадцать изо всех сил пытаюсь совладать с собой и успокоиться, но паническая атака брала верх над разумом.

«Всё будет хорошо, скоро всё закончится... главное не закрывать глаза, не закрывать!»

Голова кружилась так же, как и воронье в небе и казалось, если подует ветер, то просто вытолкнет меня из тела, страх от того, что я потеряю сознание, заставлял сердце биться ещё быстрее.

«Если я упаду здесь, то уже через час вороны растащат моё хрупкое тело, никто не найдёт меня, если конечно будет искать. Ладно, хорошо. Если я сейчас умру, это будет глупо. Значит, моя недолгая жизнь прошла бессмысленно. Но этого не может произойти, иначе зачем, зачем всё это было?» Потихоньку возвращался контроль над собой, головокружение почти утихло и сердце успокоилось. Я глубоко вздохнула и решила больше не смотреть вверх. Что там вверху высматривать, ведь мы живём здесь, а там никто нас не ждёт. Я свернула на просёлочную дорогу в надежде добраться по ней до какого-нибудь населённого пункта. Наступил вечер, над спускающейся мглой ещё поблёскивали в лучах заходящего солнца пики далеких гор. Впереди еле различалось небольшое селение. На его дальнем краю поднимался в воздух тонкий дымок.

Теперь дорога стала шире и глаже особенно по сравнению с прежней. Она привела меня к крутому подъему, добравшись на вершину которого я увидела небольшое поселение. Ближайший к дороге дом явно принадлежал кузнецу, потому как за изгородью просматривалась кузница, несколько привязанных лошадей и множество хозяйственных инструментов. Калитка была сделана из железных прутьев, завёрнутых в завитушки и узоры, по изгороди расстился плущ. Я расслабилась, наконец- то дошла до селения, и ноги предательски подкосились.

Очнувшись я в постели, напротив небольшое окошко, ставни не задвинуты, уже было светло. Встав, я огляделась. В доме никого не было, простые две небольшие комнаты, одна из которых пустовала. В жилой комнате на правой стене красовалась большая икона в виде чеканки. Почти по центру стоял дубовый стол и два стула, на столе в подсвечнике согнутый огарок свечи. За окном слышался стук молота. Я выбежала из дома, направившись напрямиком в построенную рядом кузницу, и распахнула дверь. Мужчина лет пятидесяти с оголённым тор-

сом, покрытым лишь фартуком и каплями пота молотил раскалённое железо. Его лицо было черным от пыли, но совсем не злым, он был сосредоточен на работе. Я наблюдала за ним несколько минут, за его точными резкими ударами молотом по раскаленному мечу, пока он не обернулся.

– А, прелестная незнакомка! – сказал он, улыбаясь и вытирая грязные руки о фартук, – Откуда ты будешь? Рассказывай всё, но сначала поедим.

Я улыбнулась в ответ и прошла за ним в дом. Немного замаявшись, я произнесла:

– Меня зовут Наташа...

– Ну и добро. А ну, снимай и тащи сюда свои башмаки, а не то совсем развалятся. – Я подошла, протянув ему свои поношенные туфли, – Степаном меня величай или же просто кузнецом. Тут куда не плюнь Степаны, а кузнец то один...эх. А ну водицы подлей!

Я взяла ковшик и зачерпнула воды с бочки. Он умылся, прямо на пороге, небрежно сливая воду прямо на ступени, и тогда я рассмотрела его лицо: оно было в морщинах, седая щетина обрамляла подбородок, на голове волос почти не было, глаза светлые и грустные, несмотря на слегка улыбающиеся губы. Он поставил самовар, а затем мы сели пить чай. Я рассказала почти всё, что происходило со мной в пансионе, как мне пришлось бежать. Он слушал, вырезая узоры на куске деревяшки маленьким ножиком, затем долго молчал. Я ждала, что он скажет, заглядывая в его серо-голубые глаза, но он продолжал молчать, затем отложил в сторону заготовку кораблика и пошёл в кузницу. Я растерянно сидела в ожидании, что он вернётся, и обдумывала, почему я назвалась этим именем. Не знаю, ...но мне так хотелось начать новую жизнь, пусть даже она начнётся с вранья, но я не видела другого способа. Я принялась за готовку и уборку, затем определила себе место на печи и завалилась спать, завернувшись по уши в одеяло.

– Знаешь, я очень люблю козье молоко. Может, купишь козу на базаре на эти деньги, – он кинул со звоном на стол мешок монет и продолжил расправляться с похлёбкой.

– Значит, я могу остаться? – нерешительно произнесла я.

– Разве что для ухода за козой, – он доброжелательно кивнул, улыбаясь, прожёвывая хлеб, – но вот похлёбку тебя придётся учить готовить.

Девушка была рада такому решению, она чувствовала, что кузнец хороший человек. Это было наилучшим вариантом её ближайшего существования. Она схватила мешочек с деньгами и пошла на базар. Кузнец подошёл к окну, глядя ей вслед в сомнении, вернётся ли она обратно. Он надеялся, что вернётся...

Рыночная площадь была небольшой, но в этот воскресный день она была заполнена людьми и торговцами самых разных товаров. У забора стояла старушка, она держала на привязи пять коз разной окраски и лохматости. Уловив интересующийся взгляд девушки, старушка начала расхваливать свой товар.

– Уступлю, забирай эту пятнистую, тебе ж не разводиться?

– Нет, мне б для молока...

– Для молока, как раз пойдёт, эта молоденькая, беленькая.

Наташа заплатила немного меньше, у неё ещё оставалось несколько монет. Кузнец обрадовался, завидев Наташу, ведущую упирающуюся козу, ещё он был удивлён честности девушки оставившей сдачу на столе. Рано утром, только рассвело Наташа, вела козу пастись на луг, там она рисовала или читала обветшалую книгу, найденную в доме кузнеца. Кузнец работал до вечера в кузнице с перерывом на обед, спать ложился рано и часто уезжал в город на ярмарки продавать кованые изделия и оружие. Когда его не было дома, Наташа не могла заснуть, иногда её преследовала тревога, и каждый раз по возвращению она кидалась ему на шею с поцелуями в щёки. Но однажды она поцеловала его, так как может целовать лишь зрелая женщина.

Было очень холодно, шёл снег. В этот год, февраль был трескуч морозами. На миг я представила, как сейчас зябко в пансионе, вспомнила девочек. Вспомнила, как грела руки Кудряшки своим дыханием, какими посиневшими выглядели в тот момент её ногти, когда её вывели из подвального помещения, изолятора для ослушавшихся. В нём была, лишь деревянная скамья и малюсенькое окошко, иногда дневное наказание скрашивалось присутствием крысы. Мы долго не возвращались к теме моего прошлого, но этот вечер был таким тихим и снежным, что в каждом пробудилось чувство ностальгии. Крупные хлопья нежно ложились на резной подоконник маленького окошка, носки из козьего пуха приятно согревали ноги.

– Как ты оказалась в пансионе?– спросил Кузнец, не отрывая взгляд от чашки с чаем.

– После смерти отца, мачеха избавилась от меня. Она ссылалась на моё странное поведение, говорила, что не может справиться со мной. Несколько раз показывала меня врачу. Он сказал, я больна. После смерти отца я перестала рисовать, постепенно я перестала говорить. Что я могла сказать тем, кто меня не слышал, а только хотел избавиться?

– У неё были дети?

– Да, двое.

– Это действительно тяжело для женщины...

– Ты жалеешь её?

Он промолчал. Мне стало немного обидно, хотя он не знал, что у этой женщины было огромное состояние, причём принадлежавшее по закону мне. Об этом больше не стоило говорить и мы переключились на поедание бубликов с чаем, но я всё ещё продолжала думать о том, какая огромная жестокость таится в этих интеллигентных людях. Я не представляла, что люди могут так ненавидеть, пока не стала ненавидеть сама. Я ненавидела людей, не всех, но ненавидела, а потом была пустота и ожидание. Я росла, пустота становилась всё темнее, всё ярче становилось ожидание. Я больна, я действительно больна, я искалечена злобой и отчаянием. У меня иногда идёт кровь из носа и болит голова, иногда мне кажется, я умираю. И каждый раз, когда я соглашаюсь со смертью, она покидает меня оставляя беспомощной, как – будто знает, что жизнь для меня большее наказание.

Они были правы, я больна, это всё в чём они были правы!

В те дни, когда Степан уезжал в город, я мерила шагами гостиную и всякий раз проходя мимо занавески, поглядывала на неё. Меня донимала внутренняя тоска, мне казалось время неумолимо идёт, а я стою на месте. Я вспоминала и анализировала события прошлых лет, иногда я тонула в вариантах собственных фантазий.

В семнадцать лет я сбежала из пансиона. Здесь я уже два года, за это время я немного успокоилась и восстановилась, козье молоко, и свежие овощи меня укрепили. Но я, по-прежнему не видела смысла своего дальнейшего существования здесь. Я представляла свой замок, а иногда я видела во сне море. Я даже чувствовала его запах и соль на губах, порывистый ветер развивал мои волосы и удары волн мелкими брызгами освежали мою кожу. Я вижу, он равнодушен ко мне, но любит он меня как дочь или как мужчину я не могу понять. Мне бы хотелось, что бы он проявлял ко мне свои чувства, но он продолжает держаться, не подпуская меня к себе близко, это меня задевает. Неужели он считает меня ребёнком, или я не достаточно привлекательна для него? Говорить о чувствах, слишком сложно для меня, скорее я боюсь ответа. Если он отвергнет меня, мне придётся уйти, а я не хочу, не хочу потерять его. Он стал мне как близкий и родной, но в тоже время я испытываю к нему влечение. Двоякость чувств была мучительной, внутренне я искала способ и ждала момент, чтобы решить раз и навсегда. Естественно остаться здесь с кузнецом было надежнее и реальнее, но не настолько желаннее для моей тёмной души.

– Малышка, – сказал он внезапно изменившимся тоном, причем его лицо потеряло всю свою мягкость, стало жестким и серьёзным от сдвинутых к переносице темных бровей.– Наташа! – позвав, остановившись передо мной. – Ты совсем побледнела от бессонных

ночей, о чем ты только думаешь в эту темную пору, что не дает тебе покоя? Твоя жизнь здесь тебя удручает своей скромностью и скукой?

– О, нет, не удручает. Хотя я часто думаю о том, как скоротечно время, а я не имею возможности обучаться чему либо, а ведь у меня есть способности.

– Пожалуй, я смог бы тебе помочь... – он почесал щетинистый подбородок.

– Правда?

– Пожми мне руку в доказательство. Какие холодные пальцы! Я определенно обеспокоен твоим здоровьем, как можно иметь такие холодные руки в такой теплой хате? Я поставлю самовар. Я кое-что выручил за товар, ты можешь пойти в монастырскую школу для прислуги. Учат там недолго и рекомендации дают хорошие. Я благодарна тебе, никто не любил меня так как ты, правда, кроме отца, но это было очень давно. Я даже не помню его лица. Кажется, у него была борода, как у тебя и глаза такие, немного грустные.

– Как твои?

– Наверно.

Глава 6

У соседей неподалёку играли свадьбу, немного выпившие ребята уже вечером подошли к калитке и стали звать кузнеца.

– Эй! Спишь кузнец что ли? Выходи! Жених тебя на свадьбу зовет!

– Да ребят, устал я что-то, поздравьте от меня молодых, пусть не серчают на меня - крикнул в ответ кузнец, выйдя на порог в рубахе с закатанными рукавами.

– Да, че? Идём, сам поздравить! Отец то его был бы рад твоему присутствию, коль жив бы был! – сказал второй парень.

– Ну да ладно, сын друга, как- никак. Пошли, только ненадолго, пропущу рюмочку другую. – Он так и вышел, в домашней рубахе. В какой человек одежде, для него не имело смысла, иногда он даже не замечал, как сам выглядит.

Кузнеца всё не было. Девушка решила пойти посмотреть на свадьбу, потихоньку она зашла во двор дома, справа располагалась конюшня и курятник. В светлой просторной хате окна не занавешены, хорошо видны люди. За заставленным едой столом сидели гости. Многие танцевали, играла гармонь, и звучало многоголосье. Кузнец был пьян, он стоял подле танцующих, а рядом с ним увивалась, хитро улыбаясь, пышногрудая рыжеволосая женщина.

Кровь поднималась к голове, Наташа теряла контроль. Она не знала, как поступить, а чувство ревности, захлестнувшее её, было слишком ярким, чтобы с ним бороться. Хотелось подбежать и оттолкнуть вертихвостку, но она впала в ступор, а внутри всё клокотало. Несколько глубоких вдохов и самовнушение помогли ей кое-как совладать с собой но, всё же сильно нервничая, она решила зайти. Стараясь не смотреть на рыжеволосую она громко и твердо, почти приказным тоном, сказала кузнецу потягивая за локоть:

– Идём. Ждут тебя.

– Наташа что ты, кто ждет? – немного заплетающимся языком произнес он.

– Идём, приехали к тебе – Наташа сильнее стиснула пальцы на его предплечье и потянула, кузнец поддался. Откланявшись и оставив недовольную шатенку вздыхать среди веселья, он побрел за Наташей. Она шла быстро и уверенно, постепенно эта уверенность передалась кузнецу. Ступив на порог, он понял, что никто не ждёт его и сурово посмотрел на неё, ожидая оправданий.

– Где же те, кто меня ждут?

– Здесь

– Не понял?

– Я жду тебя! Понятно!

Недоумённое лицо кузнеца даже раздражало, о чём-то говорить было бесполезно, алкоголь всё больше овладевал им, поэтому Наташа отвела его спать. Кузнец лёг, его лежанка стояла у окошка в лунном свете хорошо просматривались его черты лица. Он спал уже часа три, была глубокая ночь. Наташа присела рядом с ним на кровати, наблюдая за еле уловимыми движениями мышц его лица, её тянуло к нему. Она так долго ждала, что на её месте будет он, что он подойдет к ней спящей и нежно коснётся своими губами её губ. Теперь она так близко к нему, когда же если не сейчас? Она склонилась над ним, убрав спадающие на лицо волосы и поцеловала. Он не открывая глаз, обнял её прижав к себе, Наташа поняла, что не хочет уходить. Она хотела продолжать, хотела, чтобы он сжимал её сильнее, но он не поддавался окутавшему его чувству вождления, а замер, открыв глаза пристально вглядываясь в её лицо. Она была молода и невинна и желала его, это тянуло как магнит, но его зародившиеся отцовские чувства к ней пересилили желание. Её ждала другая лучшая жизнь и другой более молодой и перспективный мужчина.

– Давай спать,– спокойно ответил он, ослабив объятия. Наташа молчала, она смотрела в окно, продолжая лежать рядом. Взыгравшаяся резко обида постепенно стихла. Темные облака обходили луну. Деревья стояли неподвижно, не умолкало пение сверчка. Она выскользнула из объятий уснувшего Степана и направилась в свою постель.

Его лицо всегда украшала седая щетина, я как то и не могу вспомнить его бритым, густые брови закручивались, что-то очень доброе и теплое едва заметное окружающим скрывалось за его молчаливым видом. Он никогда не ругал меня и не обижал, его редкие, но резкие высказывания воспринимались всегда без обиды. Наступила осень. Меня ждала монастырская школа в поселке за 200 верст отсюда. Я была рада переменам, всё во мне трепетало. Я делала беззаботный вид до последнего дня перед отъездом, Степан не предполагал, что мои вещи были собраны ещё две недели назад.

Теперь у меня были документы, торжественно врученные мне Степаном. Меня звали Наталья Сокольская, 23.03.1855 года рождения и мне сейчас девятнадцать лет. Документы были настоящие, но в них верным был лишь год моего рождения.

– А фамилия, видимо в честь деревни?

– Ага.

– Фантазия мужчин явно отстаёт от женской! Спасибо тебе за всё!– Наташа бросилась на шею кузнецу и крепко обняла, прошептав сквозь слезы – Я буду скучать по тебе ...

Моё обучение в монастыре монотонно тянулось. К учащимся относились нормально. Питание в основном было постным и простым, форма одежды у всех одинаково мрачно – монашеская, только обувь должна быть своя. Я приезжала в поселок к Степану, раз в две недели, со временем мои визиты сократились, потому что моё время пребывания у Степана длилось всего полдня, всё остальное время занимал проезд и сон, да и такое путешествие обходилось недешево. Мне часто бывало стыдно брать от него подарки, поэтому я попросила покупать мне лишь обувь, по необходимости. В монастыре были каникулы два раза в год, весь июль и десять дней начиная с Рождества. Чтобы получить документ об образовании, мне нужно было проучиться три года, затем я могла наняться на службу. Мои первые летние каникулы прошли замечательно в удельной деревне Соколово на речке. Я буквально не вылезала из воды. Степан был мне как всегда рад. Зимой я вновь приехала. Степан взял меня с собой на праздничную ярмарку. Ярмарка длилась неделю, морозы были необычно трескучими, река заледенела так, что через неё можно было спокойно переехать на груженой повозке. На том берегу развернулось обширное гуляние с различными игрищами. Я смеялась от души, как маленькая, играя в снежки с ребятами. Ещё меня порадовали ледовые горки и ничего, что валенки мои промокли от попавшего внутрь снега. Я уже разгоряченная движением, этого не замечала. Следующий день прошёл в бреду. Жар, подскочивший ночью, продолжался ещё два дня. Степан, закутав меня в шкуру, погрузил в полудреме в свою повозку, оставив товар на приятеля, и повёз домой. Мы ехали той же дорогой, вернее по льду. Я услышала сухой хруст и ржание лошади сквозь сон. Еле открыв глаза, я увидела серое небо. Холодный пушок снега падал мне на лицо, отчего по всему моему телу прокатывался озноб. Степан что-то бубнил, лошадь неистово ржала, повозка дергалась то вперед, то назад. Наконец после пронзительного крика лошади я почувствовала, как меня резко скинули с повозки, я ударилась локтем и затылком об лёд. Приподняв голову, я увидела тонущую повозку, тянущую за собой и лошадь. В следующие минуты я почувствовала, как меня колышет над землёй, затем меня накрыло спокойствие и доверие происходящему.

– Что случилось? Повозка вправду потонула!– вскрикнула я хрипло, подскочив с кровати

– А, всё таки этот самогончик дело делает..так, так. Давай чаю с мёдом и спать, потом поговорим.

Я уже пропустила несколько дней учебы, но зато была совершенно здорова, когда возвращалась в монастырь. Степан потерял повозку и лошадь на той реке, да и товар ушел дешевле задуманного. Но он был не так огорчен происшедшим как я.

– Я обязательно заработаю денег и приеду к тебе, вот увидишь!– Степан махал рукой и улыбался, наверно он не верил моим словам или не воспринимал их всерьез.

Глава 7

Я всё реже приезжала в Соколово. Степана я не видела больше полугода, но писала пару раз письма.

Моё обучение было окончено, теперь всё зависело не только от меня, но и от случая. Я понимала, что на поиск работы у меня уйдет некоторое время, нужно было пока как-то жить на те средства, что у меня имелись, либо возвращаться в Соколово. Первым делом мне хотелось навестить Кати узнать, как она живет и возможно устроиться на работу. Я знала, что она в городе. Здесь было несколько верст, любая телега, следующая в Петербург, могла довести меня до неё. Моя поездка в Петербург, скорее была тренировкой к самостоятельной жизни, где никто не будет распоряжаться мной. Я давно мечтала побывать там. Нужна ли была мне встреча с Кати на самом деле я даже и не знала, но чувствовала что так нужно.

Пять лет я пребывала в состоянии «куколки», теперь же наступил момент стать бабочкой, мне хотелось жить ярко, а не прозябать в этом коконе спокойствия и довольствоваться самым необходимым.

Долгая тряска в дороге оставила синяки на ногах. Маленький чемоданчик, черное платье и пальто. Вид настоящей гувернантки, но на самом деле, это всё что у меня было из одежды. Я была готова устроиться на работу и под этим предлогом я посетила несколько домов, в одном из которых предположительно жила Кати. Письмо, которое мы получили от неё, было немного смазанным от дождя, так что номер дома был предполагаемым, главное, что улица была известна. Ну, вот и он наверно, вернее только он и остался. Дальше деревня с бедными домами. Этот дом довольно приличный по размерам, фасад отделан декоративным камнем, смотрится достаточно богато. Я несколько раз ударила по двери из толстого резного дуба, просунув руку в массивное бронзовое кольцо.

Дверь открыла молодая девушка, предварительно посмотрев в щель прямо на меня, оценивая своим ярко накрашенным глазом с какой целью я здесь появилась. Я начала первой:

– Вам требуется прислуга?

– В какой- то степени – она рассмеялась, послышался ещё один посторонний голос, видимо за дверью была ещё одна девушка.

– А, что вы умеете?

– Всё что требуется по хозяйству.

Девушки залились хохотом и захлопнули дверь. «Наверно какой-то праздник здесь, так странно...»– подумала я. Только я спустилась по лестнице, как дверь распахнулась и какая-то девушка, выскочив на улицу, схватила меня под руку и затащила в дом. Облик дома не соответствовал присутствующим в нем двум девицам, именно так можно было их назвать по внешнему виду. Стены гостиной, были оббиты темно-зеленой тканью. Темного дерева мебель, большие часы с кукушкой, красивый сервант с резными завитушками заставленный бокалами, рядом небольшой чайный столик и полукругом расставленные четыре кресла и диванчик. По обстановке можно было сказать, что это дом какого-то богача, а эти девицы... ну у богатых свои причуды. Девицы оставили меня, что-то не нравилось мне в них. Их поведение было слишком свободным, платья на них были обычные, правда, декольте глубже, чем нужно. Я присела на диванчик расположенный в углу, мне очень понравился этот викторианский стиль, мягкая обивка, малый габарит. Нахлынули мысли о поместье, там в нашем зале тоже были похожие диванчики – два, но светлого цвета, какого именно не помню. Сверху послышался звук шагов, я надеялась, что увижу Кати, но на лестнице показалась та женщина, которая приезжала к нам в пансион.

Рыжая стерва. Да, она была именно такой! Возможно, настоятель был прав о сложившемся с древности мнении, что все рыжие – ведьмы. Мерзко даже вспоминать о нём, но воз-

можно это и есть та единственная истина однажды прозвучавшая из его лживого рта. Да, в ней было что-то демонически притягательное, искушающее. Мужчины даже не пытаются поставить себе вопрос что именно, они просто идут, ведомые пробужденными инстинктами. Та она, которую я видела в пансионе и та, которая сейчас, здесь это разные образы, но есть в них одно – это глаза. Глаза хищницы продуманно использующей свои способности. Действительно, очаровывать мужчин – это способность развита не у каждой женщины, игра на инстинктах, тонкое искусство, которое нужно чувствовать и развивать.

Значит, я попала именно туда. Моё настроение улучшилось, я улыбнулась хозяйке. Естественно дома она была без шляпы, теперь было видно её шикарные рыжие волосы уложенные волнами в интересную причёску, она выглядела моложе своих лет, хотя я знала из разговоров воспитателей, что ей сорок пять. Она поприветствовала меня и улыбнулась своей искусственной улыбкой, обнажив, словно кинжалы белые зубы, прятавшиеся за ярко красными губами. Улыбка её оружие. Я чувствовала, что это хищная и непростая женщина. Она пристально изучила моё лицо. Мне казалось сейчас она возьмёт пенсне и придвинется ближе, что бы разглядеть все мои мимические морщинки.

– Кто вас рекомендовал?

– Увы, никто, я в этом городе проездом, но мне здесь нравится и если появится возможность устроиться на работу, я останусь.

– Куда же вы направлялись милочка?

– Я бы хотела попытать своё счастье в столице и не возвращаться в родную деревню.

– А... вы, как и все в поисках лучшей жизни, тогда вам точно к нам, – она приторно улыбнулась и закурила папиросу, ввинченную в длинный мундштук.

– Курите? – Она протянула мне портмоне, и я увидела круглый шрам на внутренней стороне запястья.

– Нет

– Тем хуже.

– Но почему? Многие хозяева отказываются брать курящую прислугу.

– Я терпима к чужим привычкам. Всегда должна быть какая-нибудь отдушина, пусть даже дурная привычка. Скажи, у тебя есть родственники в этом городе?

– У меня есть дядя в Соколово, он меня воспитал. Я из простой семьи самая младшая из троих детей. Все умерли десять лет назад от холеры.

– Иммунитет тебе здесь пригодится. Можешь сегодня остаться в качестве обслуживающего персонала, вечером тут будут гости. Уважаемые люди. Будешь подавать им напитки и закуску, а там посмотрим. Твоё жалование будет напрямую зависеть от качественного обслуживания гостей. И переоденься, я не приемлю такие платья. Лили! Пойди сюда! Лили отведи Натэль в гардеробную, она остаётся у нас прислуживать пока. А ты Натэль, давай пока свой документ, я должна заполнить договор.

– Я Наташа.

– Теперь Натэль.

– Ты можешь называть меня Анжелой, просто и без лишних вступлений.

За гостиной было ещё пару комнат, одна из них просторная по центру большой стол на девять персон, у стены бильярд. Другая комната оказалась заперта. Лили отвела меня на второй этаж, справа у лестницы была большая гардеробная дальше ванная, туалетная комната и ещё пять дверей. Лили открыла одну из них и пригласила меня войти. Всё в ней очень скромно, кровать правда большая двуспальная, комод, зеркало и туалетный столик, рядом с окном небольшой шкаф. Я открыла дверцы, он был пуст. Ощущение покинутого гостиничного номера висело в воздухе. На комод лежало аккуратно сложенное постельное бельё, два полотенца и тонкий пеньюар. Мне очень хотелось спать и я, решив забыть обо всем на свете в объятиях сна, принялась застилать кровать. Чуть двинув матрас, я услышала шорох и нагнулась.

На полу лежал конверт, я подняла его и положила на комод. Застелив черные простыни, я раздевшись, легла. Ещё никогда я не видела такого белья, оно было черным и гладким как шелк, наверное, очень дорогим. Заснуть я не смогла, ощущение скольжения и этот конверт... он был плотный в нём что-то лежало. На просвет был виден угловатый подчёрк. Это письмо, от кого оно и кому предназначено? Мне хотелось открыть его, оно сохранило приторный запах духов. Думаю, его писала женщина не так давно. Кому? Мужчине? Рука потянулась к конверту. Я извлекла из него лист бумаги, исписанный всего наполовину чернилами. Неровным заострённым подчёрком. Я писала лучше, возможно потому, что имела талант к рисованию.

«Я знаю, ты прочтешь его, мой последний посыл. Мне некому писать, но кто бы ты ни была, знай – Ты в западне! Например, я смогу сбежать из неё, у меня есть один выход, и вряд ли он тебе понравится, по крайней мере сейчас. У меня же нет другого пути...»

Ты подумаешь, – откуда она знает, что это письмо найдет именно женщина? Я знаю именно потому, что мужчинам нет до нас никакого дела, они думают только об утехх своей плоти. Никого из них не волнует наш внутренний мир. Раньше я верила, верила во что-то выдуманное под названием любовь. Я убедилась, что её нет. Моим телом пользуются и платят за это, точно за аренду. Меня убеждали, что это просто. Что это словно любовь, но ты берешь деньги, а не даришь себя просто так без остатка, чтобы тобой тоже попользовались и бросили обманутой. Ты просто получаешь компенсацию, одно лишь но, оба знают время, когда они расстанутся, и никто никому не будет обязан. Никто не испытает чувства обиды. Оба в расчете. Расчёт, вот ещё, что существует! Вино стало моим спутником, я смывала им груз с сердца, но он стекал глубже, прямо в душу. Я надеялась, что как только скоплю денег уеду далеко, далеко, но я не могу сбежать от себя. Я увязла в болоте и нет сил вырваться, хотя руки и ноги мои свободны. Я ждала, что возможно кто-то освободит меня, вытащит из трясины. С каждым моим действием она затягивала всё глубже. Постоянные клиенты не вариант, никто не будет спасать падшую женщину. Никто не пожертвует своей репутацией ради тебя, особенно если ты забеременеешь. Так случилось со мной, мои мечты остались мечтами наверно они улетели к другой дурочке яркими бабочками, чтобы поселиться ей в голове. Сколько таких, как я? Хочешь ли ты быть следующей?»

Текст письма заканчивался размыто и нечетко, вероятно его писали в полном расстройстве чувств, там были ещё такие слова – «...это Влад, это всё он – дальше размыта фраза, и снова продолжение – они были также глупы, как и я, но я знаю, на что иду. Я положу конец...». Конец чему собственной жизни, или чужой, возможно, какому-то вопросу? Было ясно одно, здесь останавливалась девушка лёгкого поведения. Значит, Лили и другие, сколько их вообще здесь, тоже... Я пришла сюда сама! Моё впечатление о богатом доме снаружи перевоплотилось в мнение, что это гостиница, но теперь...

Теперь, я понимаю, что это за место. Место, куда я и прочие девушки пансиона боялись попасть. Как же Кати? Она уже здесь пять лет! Её затянули сюда обманом! А вдруг это она написала, это душераздирающее письмо, тогда отсюда вопрос – жива ли она? Если да, то я увижу её вечером, а после нужно уходить. Как уходить? Мои документы у этой стервы, она наверняка спрятала их. Сон сняло тяжёлой рукой раздумий. Значит, мне вновь предстоит побег, это терзало меня. Раз уж я попала в этот переплёт, то я просто обязана увидеть Кати, убедиться, что она жива и возможно она пойдет со мной. Четыре часа и вечер, четыре часа... Я положила письмо в свой чемоданчик и подошла к зеркалу, взяв несколько шпилек, принялась закалывать волосы. Платье, которое выбрала Лили, мне нравилось, даже его глубокий вырез чуть завуалированный рюшами. Синий цвет был мне к лицу, он напоминал мне о море. Море было моей запланированной долгосрочной целью. Мои цели уже выстроились, как звенья в небольшую цепочку, каждая крепилась на предыдущей, но всё же не хватало множества промежуточных. Я не могла продумать всё заранее, но само знание о существовании этой цепи придавало моей жизни какую-то значимость. Дверь отворилась с лёгким скрипом, вошла Лили.

- Скоро восемь, я зашла напомнить тебе
- Да, я слежу за временем, спасибо
- Что это?
- Где?
- У тебя с волосами
- По-моему нормально, или сзади неаккуратно?
- Натэль, у тебя роскошные черные, длинные волосы. Зачем закалывать их так?

Она вытасила шпильки, мне было неуютно от того, что она стояла так близко и дышала мне в шею. Она распустила мои волосы и медленно пригладила пряди ладонями.

- Даже не завитые они красивы и такие гладкие и ровные...
- Прислуга с распущенными волосами? Мне сделают замечание.
- Ну что ты, какое замечание – возразила она, – тебе сделают комплимент.

Для меня были странны её движения и мнение, она смотрела на меня через отражение в зеркале горячими живыми глазами. Она была красива и немного выше меня, такая гибкая и плавная, большая грудь и пухлые губы, выразительные глаза. Она безусловно нравилась мужчинам, что привело её сюда было для меня загадкой. С такими данными, она могла бы удачно выйти замуж, но она почему-то здесь. Возможно, когда-то её, как и Кати удочерила из приюта Анжела. Она привыкла или страдает? А может ей нравится? Что движет ей? Мне хотелось знать, как и то, кто была эта незнакомка с последним посланием под матрасом, и что случилось с ней. Моё любопытство не принесёт мне ничего хорошего, но разве образы этих девушек позволят мне уснуть или думать о чём-то другом, даже если я нарисую их, выпустив из своего сознания на бумагу.

– Натэль, тебе очень идёт это платье! – сказала Анжела улыбаясь.

– Может, я всё-таки соберу волосы? – Решила уточнить я у хозяйки – я ведь буду обслуживать гостей, волосы должны быть собраны.

– Не беспокойся, нашим гостям это очень нравится, особенно при обслуживании, – она многозначительно улыбнулась и погладила меня по щеке.

– Пора спускаться вниз Натэль, скоро придут гости, ты должна встречать их в холле. И не забудь аккуратно развесить их верхнюю одежду в прихожей.

Только я спустилась, как увидела первого посетителя, ему уже кто-то успел открыть и преподнести бокал с наливкой.

Он сидел в гостиной на диванчике. Пожилой мужчина, шуря глаз держащий пенсне. Он обернулся, когда мы спускались и смерил меня неодобрительным взглядом, я почувствовала неприязнь к нему. Натэли будто заметив это, погладила меня по спине. Я обернулась, она смотрела снисходительно и нежно, указывая взглядом, чтобы я прошла в следующую комнату. Краем глаза я заметила, как она присела рядом с этим стариком, пододвинув поближе к нему рюмочку коньяка и подперев рукой подбородок, будто восхищается его мужественным видом. Я повернула в холл. Не прошло и двух минут, как раздался стук неожиданно пробравший меня насквозь. Я с усилием отворила дубовую дверь.

Еще не окончательно стемнело, да и полная луна освещала небосвод, так что я видела его совершенно отчетливо. На нем был плащ для верховой езды с бобровым воротником и стальными застежками. В тусклом свете на фоне вытянутых теней деревьев он казался высокого роста, широкоплеч и статен. Светлые волосы, можно сказать блондин. Черты лица суровые, лоб высокий. Голубые глаза под темными бровями горели гневным упрямством. Уже не юноша, но пожалуй, еще не достиг средних лет, – ему могло быть около тридцати пяти.

– Прошу входите.

– Вы не прислуга в доме, это ясно. Вы... – Он остановился, окинув взглядом мою одежду, которая была, как всегда, очень проста: синее платье и теплый палантин на плечах. Он, видимо, затруднялся решить, кто же перед ним. Я помогла ему:

– Я гувернантка.

– Ах, гувернантка, – повторил он. – Черт побери! А не ошибся ли я домом или возможно лунный свет затуманил мой разум! Гувернантка! – он огляделся по сторонам, а затем снова принялся рассматривать меня.

– Я совсем недавно здесь...

Он посмотрел как-то недоверчиво, вручив мне свою шляпу. Поднявшись по лестнице на второй этаж, он оглянулся. Мы встретились взглядом, и тут я смутилась, отвернувшись лицом к двери. Прибыло ещё восемь мужчин. Убедившись, что это все, я направилась в зал.

В игровом зале нужно было зажечь свечи и поставить на стол бокалы. Сделать все, как сказала Лили. Резкий звук чиркающей спички в темном помещении заставил меня обернуться, в её небольшом свете я увидела лишь приглушённые черты лица прикуривающего мужчины. Его темный силуэт еле выделялся на фоне спадающего ламбрекена в углу. Я молча продолжала зажигать свечи, я не хотела чтобы в этой темноте он приблизился ко мне, но он всё же шёл медленно переставляя длинные ноги, как призрак. Я знала, он воспринимает меня как одну из них, но решила продолжить верить в то, что я обычная прислуга. Высокий мужчина уверенно продолжал свой замедленный марш. Сначала мне показалось в играющем свете свечей, что ко мне движется сам Станислав Семенович. Иголлка страха на секунду кольнула в мою грудь и я неосознанно приложила к ней руку. Но это был тот самый человек, которого я встретила первым в дверях. Он пробрался сюда не замеченным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.